

МОЖНО ли первыми изым балета из изым цифр? Конечно, нет. А если попробовать? Что сирывается за числами 87 и 917? Восемьдесят семь концертов за девятнадцать один день. Цифры не рассказывают, обобщают то, что встает за ними. Цифры, которые мы привели, изображают в себя напряжение, труд, творчество, тревоги и радости пятидесяти человек — группы балета Большого театра, в течение трех месяцев гастролирующей в Соединенных Штатах Америки и в Мексике. За ними — пятнадцать городов далекой страны, тысячи миль безлюдных и воздушных дорог, десятки тысяч лиц, то спящих в одно пятно зрительного зала, то проявляющихся комедии в отдаленности. Лица, на похоне одно на другое: удивленные, восторженные, сдержанные, возбужденные. Цифры... Ими можно измерять, но не всегда.

жии научиться «ТАК танцевать»... Можно ли этому научиться? В большинстве случаев, во время многочисленных встреч с поклонниками и профессионалами этот вопрос повторялся вновь и вновь.

Одна девушка из вечерней газеты, аккуратно записав все, что ей рассказал А. М. Мессерер, загрохотала блокнот и сердито сказала, что не уйдет до тех пор, пока он не «раскроет ей секрет»: ну хотя бы один из тех, которые наверняка знают русские, но ведь мы не хотим говорить. Неко-

В НЕБОЛЬШОМ южном городе с роскошными отелями, набитыми до отказа богатыми туристами из разных штатов, мы ехали в театр на такси. Шофер, интеллигентного вида юноша, не очень торопился поскорее довезти нас до места. Ему хотелось поговорить.

— А я вас знаю, — наконец вступил он в наш разговор. — Я видел вас вчера и позавчера. Сегодня, к сожалению, не сижу — у меня занятая. Завтра у нас утренний спектакль? Жаль, должен работать; может быть, поедет, как сегодня, — я вас с удовольствием снова отвезу на «своей» машине, — бросил он, с горькой усмешкой.

Мы ехали по запыленной машинами улице, часто останавливались, пережидая, когда рассосется очередная «пробка». Город кипел, как котел, нагретый солнцем, в котором варилась жизнь. Котел уже явно был близок к тому, чтобы расплыться. Над городом висел густой сизый туман — «фог», он рассеивался лишь после полудня. Но сегодня туман казался прочным. В нем скопилось слишком много дыма. Люди говорят, что дым пожариц долго оставляет особый запах: время от времени здесь горят кварталы, где живут негры. Сейчас, когда мы проехали мимо домов, где недавно кипела жизнь, где шли уличные бои, перед глазами вставали бесформенные «пирамиды» камня и пепла. Людей уже не было видно. «В городе спокойном», — писали газеты...

Выяснилось, что наш таксист руководит балетной студией. Вечерами они репетируют, а днем зарабатывают на жизнь. Судя по энтузиазму, с которым он говорил, все его мысли поглощены искусством, но отнюдь не все время — нужно много и долго работать, где угодно, с кем угодно, чтобы провести, наконец, несколько часов наедине с тем, что тебе по-настоящему дорого.

Какие-то не слишком умные недруги сказали этому симпатичному парню, что русские ни с кем не хотят общаться — лучше к ним не подходить, и он, счастливый, что узнал нас, проклиная себя за то, что попался «на эту дешевую утку», без конца говорил и расспрашивал нас о том, как же мо-

сто так, «в школе» не научиться летать...

Как ни старался Асаф Михайлович объяснить ей, что мастерство танцов Большого театра — это прежде всего упорный труд лезть великие традиции русского балета, она шла вразумительная. Вероятно, она не в «диха» была представить себе, например, то, что Большому театру столько же лет, сколько Соединенным Штатам, с тех пор как они получили в 1776 году независимость от Великобритании. Покинула жеждот про английский язык, чтобы выразить это, нужно «просто» каждый день поливать его и подстригать, и так — в течение нескольких сот лет.

Эта молодая девушка, прожившая на свете не более двух десятилетий, приобщилась к Советскому Штатам — наивно, изучавшая историю в колледже, все-таки, конечно, многого не может себе представить. Каждый день она ходит в свой офис и даже работает в газете (потому она знает немножко больше, чем многие ее сверстники). Она привыкла к готовой пище (все сделано за вас — вам остается только подать на стол), которая рекламируется повсюду. К готовым пятнам (покупайте скорее, завтра они станут вдвое дороже), которые тоже рекламируются повсюду. Она привыкла к телевизору, при помощи которого она может «общаться» и на войне во Вьетнаме, и на похоронах Кеннеди. К ее услугам сотни комментаторов газет, радио и телевидения — она еще не успевает задуматься, как ей уже объясняют, как следует понимать то или другое. Она еще не знает, что она и что собой представляет, а ей уже приклеивают значок, указывающий, что она «отражает все» или, наоборот, «любит всех»... Слишком много эта девушка из обычной американской семьи, той, что называется «средней», получает в готовом виде. Слишком много, и часто не лучшего качества. А потому, на минуту задумавшись,

она тут же ищет готовый ответ: искусство, ну и что же? Почему вы не хотите «открыть секрет»?

В ЛЮБОМ американском городе в отеле имеется специальный журнал (толстый или тонкий в зависимости от инстинктивности культурной жизни), где сообщается о самых интересных событиях этого месяца или недели. И среди них «Звезды Большого балета» всегда в первом месте. В Сент-Луисе, например, зрителям пришлось выбирать между чемпионатом по рессингу и классическим балетом (они проходили в один и тот же день). Оба зрела, находившиеся в одном гигантском спортивно-художественном комплексе, были заполнены до отказа. Но даже те зрители, которые отдали предпочтение этому шекспировскому «спорту ужалов», пришли к артистическому входу после спектакля, чтобы взять на память автограф у «легендарного русского балета».

В Сент-Луисе, так же как в Атланта, в Сан-Антонио и Сан-Диего, балет Большого выступал впер-

мер, перед началом у входа пять-шесть человек, обобра головы в плачи, выжидали с плакатами, на которых по-английски и по-русски с грамматическими ошибками были накарбаны анти-советские лозунги.

— Это же подонки! Пожалуй-сте, не обращайтесь к ним внимания. — К нам подходили незнакомые люди пожать руку и выразить свое «возмущение» такой, как эта, «свободой слова».

— Ты ненавидишь нас? Или вот он! — мы кивнули на мальчишку не старше шести. Он топтался на тротуаре с длинным шестом, который с трудом удерживал. «Даже детей, сволочи, используют», — вырвалось у кого-то из наших. Улице давно опустела, спектакль начался, кое-кто в надежде справил лишнюю билетик. А эти шестеро все шатались, соблюдая дистанцию, дожидаясь, когда истечет установленное кем-то время.

— Да, ну как сказать, — мамали парени. — Я вроде ничего... Спросите лучше у кон — длинного, он у нас все знает...

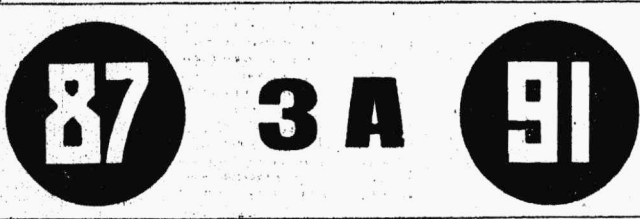
бате, стоя в кулисах, волнующся за друзей на сцене.

«Большой» — не просто великий театр, — писала критик Ольга Майнерд в газете «Сан-Диего ныс», — это большая дружная семья, где каждый чувствует поддержку другого.

Так в чем же «секрет»? Где та девушка? Поняла ли она что-нибудь?

ЧТОБЫ перечислить все рецензии, которые были написаны во время американских гастролов Большого, и попытаться кратко изложить их содержания, понадобилось бы не одна газетная полоса. Три разные программы, которые были исполнены группой солистов и небольшим кордебалетом, вызвали буйливо «тейфун» откликов. Критики часто приезжали из других городов, чтобы рассказать своим читателям об этом культурном событии.

Наша газета уже сообщила о некоторых выступлениях. А сейчас нам хочется перечислить основных участников этого мара-

Но «длинный» уже стал собирать свое барахло и складывать в машину — жалкое «шоу» кончилось.

Встречи, беседы, подчас целые человеческие жизни отыскивались на звук струны настоящего искусства.

В Лос-Анджелесе, когда прозвучала в оркестре последняя нота и зал зааплодировал, кто-то вдруг из зала палучим «до» прокричал «браво-о-о!» Женский голос. Показалось, что он знакомый. Это была, как мы потом узнали, знаменитая американская певица Милли Карьюс, исполнительница главной роли в «Большом вальсе». (Помните этот фильм о Штраусе?). Пожилая, но все еще красивая женщина снова, как тогда в фильме, повела за собой зритель в своем необыкновенном голосом, повела, чтобы отдать дань восхищения артистам Советской страны.

Когда сейчас вспоминаешь об этом, думаешь не только о том, сколько поклонников у советского балета в разных странах. Наши «звезды» назывались так, «зубоно», лишь потому, что это — привычное на Западе клише: «звезды», «звездочки», а истинные, и звездочки, которые считают при-быль от звуков наших звезд. Но не в этом дело — наша небольшая труппа была отражением Большого — Большого театра, и это признавали все. Критики в один голос утверждали, что это «стиль Большого», это — исполнение, в котором пульсирует великая традиция; это — «грация, совершенство, мужественность и одухотворенность»; «артисты Большого танцуют не только телом, но сердцем». Иравались не только номера программ, но, нравилось и поражало многих и то, как кланются наши артисты, с каким благообразием партнер, подает руку партнерше. Замечали все, даже как наши ре-

фонского турне: Майя Плисецкая, Марина Кондратьева, Елена Рабинкина, Нина Сорочкина, Наталия Филиппова, Людмила Власова, Николай Фадеев, Марис Лягва, Владимир Тихонов, Шмиль Ягудин, Геннадий Ладык, Станислав Власов, Владимир Романенко, Юрий Папко, Татьяна Голикова, Лидия Иванова, Татьяна Черкасская, Нелли Головина, Людмила Папко, Ниналь Попова, Татьяна Шувалова...

А. МАРТЫНОВА.

Спец. корр. «Советской культуры».

США — МОСКВА.

(Окончание следует).

Лабрисы американской художницы Тины Маклер.